

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ИМЕНУЕМОМУ ЛИЦУ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «ЧЕРНЫЙ ГОРОД»: МОРФОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

© Ирина Паневина

WAYS OF EXPRESSING ATTITUDE TO THE NAMED PERSON IN B. AKUNIN'S NOVEL "THE BLACK CITY": MORPHOLOGY AND WORD-FORMATION

Irina Panevina

The article deals with ways of expressing attitude to the named person in the novel "The Black City" by Boris Akunin. The article focuses on the proper names as the most informative lexical units in the space of a literary text. A poetic proper name is known to perform a characterizing function, even used without any special means of expressiveness. If it is supplemented by any of these means, they increase its characterizing possibilities and power of influence on the reader. Consequently, the proper name in a fiction text performs not only a distinctive, but also a meaningful role. So to better understand the author's intention, it is important to interpret onyms in a fiction text in terms of poetics and linguistics. In this regard, we have chosen the syncretic approach, including literary and linguistic methods of research, to fully and comprehensively analyze the issue of interest. Taking into account the fact that each level of language has a certain set of ways and means of expressing attitude to the object of speech, the studied material was divided into parts, depending on the level of language the named object manifests its characteristic features at. In this work, we identify the groups belonging to the morphological and word-formation levels and analyze the means, used to characterize the object, within each group. In some cases, the analysis is supplemented with extra-linguistic and literary information. At the end of the article, we make conclusions, allowing us to evaluate in fiction the role of characterizing elements used mainly in relation to proper nouns.

Keywords: proper name, mode, characterization, emotion, evaluation, language level, morphology, word formation, relation to the object of speech, literary text, Boris Akunin

В статье рассматриваются способы выражения отношения к именуемому объекту в романе Бориса Акунина «Черный город». Основное внимание уделено именам собственным как наиболее информативно наполненным лексическим единицам в пространстве художественного текста. Известно, что поэтическое имя собственное выполняет характеризующую функцию, даже если употребляется без особых средств экспрессивизации. Если же оним дополнен каким-либо из этих средств, его характеризующие возможности и сила воздействия на читателя увеличиваются. Следовательно, имя собственное выполняет в художественном тексте не только смысловозначительную, но и смыслообразующую функцию, поэтому для более глубокого понимания авторского замысла не последнюю роль играет интерпретация онимов художественного текста с точки зрения как поэтики, так и лингвистики. В этой связи в целях полного и всестороннего анализа интересующего нас вопроса был выбран синкретичный подход, включающий литературоведческие и лингвистические приемы исследования. Принимая во внимание то, что каждый уровень языка располагает определенным набором способов и средств выражения отношения к объекту речи, исследуемый материал был разделен на части в зависимости от того, на каком уровне языка проявляется характеристика именуемого объекта. В данной работе были выделены группы, относящиеся к морфологическому и словообразовательному уровням, внутри каждой группы проведен анализ используемых для характеристики объекта средств. В ряде случаев анализ дополнялся экстралингвистической и литературоведческой информацией. В конце статьи приведены выводы, позволяющие оценить роль характеризующих элементов в художественном тексте, использованных преимущественно по отношению к именам собственным.

Ключевые слова: имя собственное, характеристика, эмоция, оценка, уровень языка, морфология, словообразование, отношение к объекту речи, художественный текст, Борис Акунин

Антропоцентрический подход, характерный для гуманитарной науки последних десятилетий, способствовал привлечению внимания к вопросам, касающимся эмоциональной сферы человеческой деятельности. Думаю, мы не ошибемся, если скажем, что при взаимодействии с миром людей и вещей человек ежеминутно испытывает те или иные эмоции, оценивает окружающий мир, преломляя его через свой внутренний мир. Не случайно слова *оценка* и *ценность* имеют общее происхождение. Оценить кого-то или что-то – это испытать по отношению к объекту определенные эмоции, пропустить через внутренний фильтр ценности и выразить результат вербально, причем необязательно высказавшись вслух, ведь мысль – то же слово, но не произнесенное. Этот феномен изучают разные науки: психология, философия, социология и др. Конечно, не проходит мимо данной проблемы и лингвистика, так как человек стремится описать при помощи слов все, что с ним происходит, и эмоциональная сфера также находит отражение в языке.

В современной лингвистике существует узкое и широкое понимание эмоций. В первом случае их считают компонентом коннотации, иногда совместно с эмоциональностью и экспрессивностью, во втором эмотивность – это все средства, имеющиеся в языке, которые способны выразить эмоции, чувства, отношение к объекту действительности. В нашем исследовании мы придерживаемся широкого подхода к данной проблеме.

Язык располагает большим арсеналом средств и способов выражения отношения к называемому объекту. Они отмечаются на всех уровнях языка, начиная от фонетики и заканчивая синтаксисом. Особенная интонация, ударение, произнесение слова, морфологическая форма, суффиксы и приставки, семантика слова и его лексическое окружение, а также многое другое говорит об эмоциях, чувствах автора текста. Устная речь имеет и невербальные средства коммуникации, часть которых трудно передать на письме, но в большинстве случаев письменный текст не уступает устному в возможностях отражения авторской позиции.

Тексты разных функциональных стилей неодинаковы по своему эмоционально-экспрессивному наполнению. Известно, что наименее выразителен в этом смысле язык науки, тогда как публицистика, разговорная речь и художественная литература обладают большим набором

средств и способов выражения субъективного отношения к объекту речи.

В зависимости от части речи и разряда лексические единицы языка также неравномерно передают эмоциональный заряд. Так, среди неполнозначных слов союзы и предлоги, например, менее выразительны, чем междометья. В большой группе полнозначных слов каждый разряд отмечен своей особенностью.

В настоящей работе основное внимание мы уделим именам собственным (ИС) как языковым единицам, способным не только называть объекты, но и накапливать внеязыковую информацию о них. В последние десятилетия лингвисты все больше говорят о том, что онимы – это не просто ярлыки, их функции гораздо шире, а информативные возможности очень велики. Это обусловлено включенностью проприальной лексики в этнокультурное пространство (см. [1], [2]) и ее бытованием в нем в качестве этнокультурных маркеров языкового сознания [3]. Эти особенности онимов открывают в них неисчерпаемые художественно-выразительные возможности, которые по-разному раскрываются в том или ином функциональном стиле, на том или ином языковом уровне, в рамках той или иной части речи и того или иного разряда.

Особую роль играют ИС в художественном тексте, где они могут, кроме названной роли, выполнять стилистическую, смысло- и текстообразующую функции. «В художественном произведении нет неговорящих имен. <...> Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [4, с. 269]. Безусловно, только стилистической функцией возможности онимов не исчерпываются. Различные их разряды составляют как бы каркас художественного произведения, так как называют место, время, действующих лиц. С помощью ИС мы погружаемся в вымышленный текст как в знакомую и привычную нам среду, где есть привязанность к определенной хронотопонимической реальности, где действуют некие объекты. И все эти объекты – места, люди, организации и т. д. – названы какими-либо именами, пусть и непривычными, вымышленными, даже состоящими из цифр и букв, как в романе Е. Замятина «Мы». Проприальная лексика не только организует вокруг себя сюжет произведения, она в сжатой форме может передавать большие объемы информации, экономя языковые ресурсы и придавая тексту большую выразительность. Умелое использование

онимов способно создать смысловую многослойность произведения, рассчитанного на читателей разного уровня подготовленности. Особенно актуально это замечание для литературы, написанной в традициях постмодерна. В этой связи изучение ИС литературного произведения представляется весьма значимым для более полного понимания замысла автора.

Изучением ономастической лексики художественного произведения занимается литературная ономастика. Это относительно молодая наука, ее бурное развитие относится ко второй половине XX века, хотя предпосылки для ее возникновения отмечаются еще в античности (см. [5]). В настоящее время в исследованиях литературных имен преобладают два направления: первое опирается на стилистику и поэтику текста, второе – на лингвистику текста. В связи с этим различаются функции ИС в тексте. В поэтико-стилистическом направлении выделяется информационно-стилистическая и эмоционально-стилистическая функции онима, а в лингвистическом ИС выступают в качестве смысловой веши, фона повествования или факультативного элемента [6, с. 466]. Мы полагаем, что лингвистический и литературоведческий подходы к изучению материала дополняют друг друга, поскольку в ткани художественного произведения эти аспекты неразрывно связаны, поэтому наше исследование будем проводить в синкретичном русле, так как литературная ономастика – наука пограничная.

Наше исследование проведено на материале романа Бориса Акунина «Черный город». И хотя роман на первый взгляд написан в классической традиции, он, безусловно, тесно связан с эстетикой постмодерна с присущей ему многослойностью смыслов, аллюзиями и подтекстом. Важная роль в этой игре смыслов отводится ИС. Наиболее ярко возможности онимов раскрываются на семантическом уровне, но вносят свою лепту также морфология и словообразование. На указанных языковых уровнях не столько передается смысл, сколько указывается оценка называемого объекта.

Итак, в фокусе нашего внимания находятся преимущественно ИС романа «Черный город». Мы анализируем те из них, с помощью которых тем или иным способом передается отношение говорящего к называемому объекту.

Как уже отмечалось, каждый уровень языка располагает своими эмоционально-экспрессивными средствами. В данной работе мы акцентируем внимание на возможностях морфологии и словообразования, представленных в тексте в ка-

честве инструментов характеристики именуемых лиц.

На морфологическом уровне Б. Акунин нашел оригинальное решение для выражения отношения при помощи категории рода. Известно, что в русском языке слова согласуются друг с другом в соответствии с этой категорией. Нарушение согласования считается ошибкой. В романе «Черный город» автор из разряда ошибок переводит это нарушение в разряд лингвистических приемов. Этот прием был бы зауряден, если бы просто использовался как атрибут речи иностранца, говорящего на русском языке, но к нему добавлен и эмоциональный посыл: гочи (разбойник) Гасым, говоря по-русски, сознательно употребляет мужской род для объектов, которые считает хорошими, а женский – для тех, которые ему не нравятся. Сам он так объясняет свои морфологические предпочтения:

– Слушай, ты по-русски говоришь хорошо, только мужской и женский род все время путаешь. Это что, самое трудное?

– Зачем трудное? Хорошее слово всегда «он», плохое слово – «она». Я женщины не уважаю. Вся зло от них [7, с. 126].

Этот способ характеристики используется Гасымом по отношению не только к людям, но и ко всем называемым объектам:

– Перед засада Хачатур ходила к большой русский человек. Имя чудной – Дятел. <...> Я спрашиваю: «Где эта Дятел?» Немножко плечи тряс – а из Левана душа ушел [Там же, с. 165].

Как уже упоминалось, кроме оригинальности, описанный прием добавляет в текст национального колорита. Гасым – представитель восточной культуры, говорит на иностранном для него языке, ошибки в речи подчеркивают его «нерусскость». Как выясняется в конце романа, спекуляция малограмотностью (наряду с нарочито «горским» поведением и бытом) была для разбойника прикрытием, чтобы обмануть Фандорина. Таким образом, ошибочное употребление категории рода выступает не в своей прямой грамматической функции, а как литературный прием, выражает отношение говорящего к тому, о ком или о чем он говорит. Кроме того, намеренное использование определенного рода для выражения отношения к объекту речи дополняет образ Гасыма, однако речь его становится грамматически правильной, когда гочи раскрывает свое истинное лицо. Грамотность речи предавшего Фандорина разбойника также можно рассматривать как художественный прием.

На словообразовательном уровне традиционно значительное место для передачи эмоций занимают суффиксы. При анализе ономастической лексики в романе мы встречаем деминутивные и пейоративные образования, первые значительно преобладают.

Со значением ласкательности используются суффиксы *-очк-* (*Кларочка*), *-чик-* (*Левончик*), *-уш-* (*Туралуш*, *Эрастуш*):

Кларочка-ханум. – Не обращая внимания на племянника, Месроп Карапетович приложился к ручке звезды. – Это праздник для нас! [Там же, с. 96]

Ваш протеже думает, что Арташесов хочет поглотить любимому племяннику: «На тебе денежки, Левончик-джан, купи себе игрушку» [Там же, с. 97].

Когда шла с Туралом по улице и он начинал шалить, говорила ему слабым голосом: «Ах, Туралуш, что-то голова кружится. Возьми маму за руку, а то она упадет» – и малыш сразу чувствовал себя мужчиной, защитником [Там же, с. 173].

Отметим, что деминутивы *Кларочка* и *Левончик* употребляет нефтяной магнат Месроп Карапетович Арташесов, его речь наполнена восточным колоритом и ярко украшена, она такова по отношению ко всем, кто входит в близкий круг магната или кому он благоволит. Однако ряд невербальных признаков, на которые указывает автор романа, наталкивает на мысль, что деминутивные номинации в устах Месропа Арташесова – больше привычка, чем выражение истинных эмоций.

Вызывает интерес модель образования ласкательных имен, используемая героиней романа Саадат Валидбековой. Она прибавляет к именам дорогих ей мужчин суффикс *-уш*, в результате чего образуются не вполне привычные для русскоговорящего человека формы личных имен *Туралуш*, *Эрастуш*. Так как говорит героиня на русском языке (хотя и не является русской), предположим, что она использует русский ласкательный суффикс *-уш(а)* / *-юш(а)* (он образует формы имен типа *Танюша*, *Илюша*), но в усеченном варианте (без окончания *-а*). Если наше предположение верно, таким способом Б. Акунин добавляет восточной нотки в речь героини. К тому же имена Турал и Эраст довольно сложные для суффиксации, а другие распространенные морфы со значением ласкательности звучат в сочетании с названными антропонимами не столь «мужественно», как предложенный Акуниным вариант (например, *Туральчик*, *Туралушка*, *Эрастик* и др.) Если говорить о мотивировке использования ласкательных форм, то важно от-

метить, что Турал – это единственный сын Саадат Валидбековой, и нежность матери к нему закономерно выражается в аффективном обращении. А вот *Эрастушем* Фандорина называть Саадат стала не сразу, а только после того, как поняла, что влюблена в сыщика: смена отношений привела к смене формы ИС.

Немногочисленные пейоративы, обнаруженные в тексте, образованы при помощи суффикса *-к-*. Он придает ИС, к которому присоединяется, значение пренебрежения, уничижения, отражает злость говорящего по отношению к именуемому. В более «мягком» варианте формы онимов с таким суффиксом характеризуются как фамильярные, вульгарные, грубо просторечные. В тексте романа мы встречаем два ИС с суффиксом *-к-*: *Юшка*, *Сенка*.

В первом случае интересен не сам способ пейоративизации, а имя собственное, к которому присоединен суффикс. *Юшка* – это Юсуф, имя в честь пророка Юсуфа (библейского Иосифа). Как указывает А. Гафуров, это имя для мусульман (а в романе оно принадлежит мусульманину) является синонимом прекрасного юноши: в религиозных преданиях пророк Юсуф описан как юноша необычайной красоты [8, с. 15]. В «Черном городе» это имя носит неудачливый игроман, «невысокий человек с мятым лицом, на котором болезненным блеском сияли черные, воспаленные глаза» [7, с. 258]. Называть себя Юшкой, несмотря на протест Фандорина, завсегдатай казино просит сам:

– Как вас называть?

– Юшкой.

Эраст Петрович поморщился:

– Нет уж, вы представьтесь как-нибудь пообстоятельней.

– Бывали времена, когда я звался Юсуфом Абдуррахмановичем и даже Юсуф-агой. Если колесо фортуны повернется, потребую, чтобы меня вновь величали со всем почтением, а пока – Юшка и на «ты», большего не заслуживаю [Там же, с. 259].

Перед нами пример автохарактеристики посредством уничижительной формы ИС, подкрепленной диссонансом внешности носителя имени и его ассоциативного фона. Заметим попутно, что после крупного выигрыша Юшка осуществил свое намерение и вернул себе уважительные формы имени, о которых упоминал.

Оним *Сенка* – обращение Масы к Сеньке Скорику, бывшему хитровцу, с которым они находятся в приятельских отношениях. Здесь суффикс *-к-* не выражает пренебрежения, его по большому счету нельзя даже назвать пейоративным. В устах Масы это сниженная форма обра-

щения, характерная для неофициального приятельского общения, но японец не имеет намерения унизить или оскорбить своего собеседника, напротив, он дружески к нему настроен.

Используются в тексте и возможности национально специфичных образований, характерных для культуры армян, азиатских тюркоязычных стран, Японии. Причиной такого культурного отбора является то, что основное действие романа происходит в Баку, отсюда армянские и тюркские элементы; кроме того, слуга Фандорина Маса – японец, жизнь самого Эраста Петровича тесно связана с этой страной, поэтому японский колорит также присутствует в произведении.

Рассмотрим компоненты *джан*, *ханум*, *ага*, *муаллим*, употребляемые в романе жителями города Баку. Оговоримся, что эти компоненты не являются в полной мере словообразовательными формантами, а представляют собой некую переходную форму от лексемы к морфеме, поскольку в прошлом, а в некоторых случаях и в настоящем, они способны на самостоятельное бытование и даже функционирование в качестве имени собственного. Мы анализируем их в рамках словообразовательного уровня по той причине, что они присоединяются к ИС подобно «вежливым» суффиксам японского языка, но допускаем, что их прозрачная семантика позволяет рассматривать их и на синтаксическом уровне как приложения.

Компонент *джан* как обращение и как часть имени используют армяне, а также некоторые тюркоязычные народы. Везде он имеет приблизительно одинаковое значение «душа», «жизнь», «близкий, дорогой, как душа» и положительную коннотацию, придает имени, к которому добавляется, «оттенок ласкательности и одновременно уважительности» [8, с. 39].

– Левончик-джан! – сказал Арташесов, продолжая глядеть на Фандорина. – Ай, молодец, что привез дорогих гостей [7, с. 96].

В приведенном примере Месроп Арташесов для выражения симпатии использует возможности сразу двух языков: русского (суффикс *-чик-*) и армянского (компонент *-джан*). Такая избыточная экспрессивность, цветистость речи, как уже говорилось, характерна для нефтяного магната, но скорее как своеобразная манера речи, нежели реальное выражение чувств. Даже в этом коротком примере видно, что «сладкая» речь дяди, обращенная к племяннику, не подкрепляется поведением: Арташесов не смотрит на Левона,

он озабочен прибытием Фандорина, а ласково говорит с ним «по привычке».

Заметим, что ни Месроп Арташесов, ни другие герои романа не используют компонент *джан* по отношению к Эрасту Петровичу Фандорину. Возможно, так проявляется неприятие его в круг «своих», демонстрация уважительного, но скрыто негативного к нему отношения. В конце произведения становится понятно, что сыщик находился в центре заговора, где каждый был с ним неискренен, относился к нему или настороженно, или враждебно, прячась за маской приличия.

Широко распространенный в восточной традиции компонент *ханум* употребляется по отношению к женщинам. А. Гафуров описывает исторический путь, который прошла интересующая нас лексема: от исключительно мужского титула «хан» (Средняя Азия X века н. э., затем Иран, Афганистан и Индия), бывшего привилегией верховного правителя (Средняя Азия), и до трансформации в именование женщин из гарема правителя (например, *бегим* – ‘мой бек’ (господин), *султаным* – ‘мой султан’, *ханим* – ‘мой хан’, *шахим* – ‘мой шах’). Со временем эти слова стали присоединять к именам и менее знатных женщин [8, с. 34–35], выражая таким образом почтение говорящего к именуемой особе. Интересующая нас лексема *ханум* (варианты: *хатун*, *хотун*, *ханим*) при обращении к женщине или добавлении к имени стала означать «госпожа, повелительница» [Там же, с. 204]: *Какой почет, какое небесное счастье и для Клары-ханум, и для этого дома!* [7, с. 96]; *Забирай Саадат-ханум*, [Там же, с. 361]. *уезжайте очень далеко, на другой конец света*

Слово *ага* также имеет древнюю историю. Оно переводится как «большой брат» [9, с. 48], являясь архаичным титулом. В ряде восточных стран титул *ага* является формой обращения к старшему по рангу, к уважаемому человеку: *А про пожилого, прижав ладонь к груди и благоговейно понизив голос, сказал: «Его превосходительство трижды почтеннейший Гаджи-ага Шамсиев, два с половиной миллиона пудов»* [7, с. 98].

В приведенном примере почтительность к Гаджи Шамсиеву подчеркивается не только добавлением к его имени компонента *ага*, но и экстралингвистическими средствами: Арташесов говорит о компаньоне, «прижав ладонь к груди и благоговейно понизив голос». Называют Шамсиева и *Гаджи-ага-муаллим*, последний компонент еще больше увеличивает учтивость номинации, так как обозначает авторитетного, уважаемого человека, учителя.

Б. Акунин в фандоринском цикле довольно большое место отводит описанию японской культуры. Не стал исключением и роман «Черный город», в нем, как и в других произведениях цикла, автор описывает японские привычки Фандорина, в том числе ведение дневника на японский лад. Некоторая доля лингвокультурной традиции Японии передана в тексте посредством обращений, которые использует слуга Эраста Петровича. Представленные в тексте национально специфичные элементы, добавляемые Масой как носителем японской культуры к именам при обращении, образуют как гоноративы, так и нейтральные обращения, при этом не теряя возможности передавать отношение к именуемому лицу.

Как отмечает В. М. Алпатов, правила языкового этикета в Японии в прошлом были очень строгими и стандартизированными [10, с. 96], а для картины мира японца и в прошлом, и в настоящем очень большое значение имеет противопоставление «свой – чужой», которое проявляется в формах вежливости японского языка. Связано с ним еще одно столь же значимое для японского общества иерархическое противопоставление «высший – равный – низший» [11, с. 138–140].

В романе «Черный город» слуга Фандорина Маса является носителем и наиболее ярким выразителем японской культурной традиции (здесь мы не берем в расчет японские привычки Эраста Петровича). Одно из проявлений этих традиций – это обращения, которые использует японец по отношению к разным действующим лицам романа. Маса, подобно старым английским слугам, гордится своим положением и проводит очень четкие иерархические границы между людьми. Для выражения разной степени вежливости он использует разные суффиксы, добавляя их к имени адресата. По их значению можно хорошо понять отношение Масы к собеседнику и то положение, которое японец отводит для партнера по коммуникации в системе «высший – равный – низший». Так, подчеркнуто вежливое и отстраненное обращение как к «чужой» выражает суффикс *-сан*, добавленный к имени гражданской жены Фандорина Кларе Лунной. Слуге известно, что хозяин разлюбил ее, их связь тяготит Эраста Петровича, а для Масы интересы господина превыше всего. Неглупый, прозорливый японец давно понял суть Клары, но допустить неуважения к ней он не может: она жена господина. Однако и в речи, и в поведении слуга холодно вежлив и подчеркнуто держит дистанцию:

– Маса, милый, как я вам рада! – сказала, приблизившись, Клара.

Лицо японца будто окаменело. Он церемонно поклонился.

– Курара-сан... [7, с. 67–68].

Суффикс *-сан* является нейтрально-вежливым, близким по функции к обращению по имени и отчеству в русском языке. Как указывает М. С. Цыбенова, форма суффикса *-сан* произошла от суффикса *-сама* путем фонетической модификации, она является менее формальной и уважительной, а в мужской речи используется в отношении высших чужих или равных чужих [12, с. 239–240], образуя гоноративные формы обращения.

Удостаивается суффикса *-сан* и Гасым, так как тяжело раненный Маса видит его своим преемником рядом с господином:

– Очень прошу, Гасыму-сан. Нудзью хоросё забочиться о господзине. Очень прошу!

Японец порывисто, что было сил, поклонился. И потерял сознание от резкого движения – повалился вбок, обмяк [7, с. 168].

Один и тот же элемент *-сан* выражает оттенки значения, которые проступают при анализе поведения японца в ситуации коммуникации. Если при общении с Кларой Маса «каменеет», кланяется церемонно, отдавая дань уважения не столько ей, сколько ее положению жены господина, то в обращении к Гасыму он вкладывает последние силы, здесь и уважение, и просьба беспомощного человека. Оба адресата для слуги «чужие», но по-разному. Клара заискивает, желая вернуть расположение Масы, он же отстранен и подчеркнуто вежлив, независим, а от Гасыма японец находится в зависимом положении: ввиду своего тяжелого ранения он не может заботиться о Фандорине и просит об этом гочи.

Совершенно иное значение имеет суффикс *-кун*, широко распространенный в мужской речи по отношению к низшим (своим или чужим) либо равным своим, имеющий значение «товарищ», «приятель» и являющийся негоноративной формой [12, с. 240, 242], [13, с. 49]. Его Маса присоединяет к имени бывшего мелкого хитровского уголовника Сеньки Скорика, ныне продюсера и друга Фандорина:

Масе гость низко поклонился, а японец важно кивнул – такой у них был ритуал. Потом оба просияли.

– Сенка-кун! Какой старый стар, мородец, – похвалил Маса. – Морсина на рбу [7, с. 55].

Японец воспринимает месье Симона, несмотря на его нынешний статус, как приятеля, равно-

го себе. Маса подчеркивает такое отношение не только обращением, но и поведением: он «присял», поздоровавшись с другом, не забыл и про дружеский ритуальный кивок. Ранее мы уже упоминали, что японец использует по отношению к Симону форму имени *Сенка* с пейоративным суффиксом *-к-*, но в данном случае в общении старых приятелей нет пренебрежения, скорее так выражена простота общения между ними. В этом примере совместились русская и японская традиции дружеской неформальной номинации.

Можно заметить, что отношение Масы к людям, как правило, отражает отношение его господина: вежливо-холодное – к Кларе, несколько отстраненное, но уважительное – к Гасыму, дружеское – к Симону (Сеньке Скорику). И если Фандорин весьма сдержан в проявлении эмоций как внешне, так и в лингвистическом смысле, то слуга (тоже сдержанный в духе японской культуры) при помощи элементов родного языка демонстрирует отношение к именуемым лицам.

Аффективная лексика романа Б. Акунина «Черный город» разнообразна и функционал ее широк. Как и в любом художественном произведении, героями которого являются люди, в тексте романа находят отражение чувства и эмоции его действующих лиц. Мы рассмотрели некоторые возможности морфологии и словообразования для выражения отношения к именуемому объекту в романе «Черный город». Важно отметить, что неслучайно в центр исследования было поставлено имя собственное. Оним, являясь своеобразным аккумулятором экстралингвистической информации, не может не быть «говорящим» в тексте литературного произведения, где его художественные возможности, поддержанные сюжетной линией, способны раскрыться с наибольшей силой. Выступая не столько знаком, сколько смысловой вехой, концентратом разнообразной экстралингвистической информации, имя собственное позволяет применять широкую палитру для написания образа литературного героя. Используя те или иные особенности проприальной лексики, автор может высветить нужные ему стороны именуемого объекта посредством онима, использовать его огромный кумулятивный потенциал. Проприальная лексика является частью системы языка и вследствие этого включается в те же отношения, что и номинативная (за некоторым исключением: на лексическом уровне, например, ИС не вступают в синонимические отношения, имеются и другие особенности). Будучи заведомо информативно и эмоционально насыщенными, литературные имена способны ярко передавать эмоции и чувства гово-

рящего. В романе Борис Акунин применяет как традиционные, так и оригинальные способы для передачи отношения героев к событиям и лицам. Так, интересным решением выглядит намеренно ошибочное употребление категории рода одним из персонажей произведения для выражения своей оценки объекта речи. На словообразовательном уровне привычная суффиксация с целью деминутивизации или пейоративизации ИС соседствует с использованием иноязычных элементов, характерных для традиционных культур, представленных в романе (*джан, хатун, ага, муаллим, сан, кун*). Это не только добавляет национального колорита в произведение, позволяет лучше почувствовать атмосферу многонационального Баку начала XX века, но и раскрывает характеризующие возможности антропонимов. В романе сталкиваются разные культуры и традиции, но, благодаря органичному использованию автором элементов речи, свойственных для введенных в произведение культур, это смешение не выглядит бутафорским, натянутым, напротив, создает неповторимую атмосферу многонационального восточного города начала XX века. Во многом этому способствует поликультурная ономастическая лексика романа, дополненная национальными компонентами обращения. Заметим, что описанными средствами не исчерпываются характеризующие возможности онимов «Черного города», поэтому перспективным представляется изучение лексического окружения ИС романа и роли этого окружения в экспрессивизации проприальной лексики.

Список источников

1. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 532 с.
2. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М.: Гнозис, 2006. 304 с.
3. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.
4. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
5. Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. №1. С. 108–120.
6. Салихова О. К. Особенности текстообразующей функции онимов во французском комиксе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №2. С. 465–469.
7. Акунин Б. Черный город. М.: Захаров, 2012. 368 с.

8. Гафуров А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука, 1987. 224 с.
9. Древнетюркский словарь / А. Боровков, В. Неделеяев, Д. Насилов, Э. Тенишев, А. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677с.
10. Алпатов В. М. Заметки о переводах с японского языка и на японский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2016. №1. С. 93–99.
11. Алпатов В. М. О языковой картине мира японцев // Историческая психология и социология истории. 2008. №1. С. 133–141.
12. Цыбенова М. С. Употребление суффиксов вежливости в японском языке // Вестник Челябинского государственного университета, 2003. №1. С. 238 – 242.
13. Сычева Е. С. Проблема перевода обращений и именных суффиксов в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манга) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. №1. С. 46–55.

References

1. Berezovich, E. L. (2000). *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Terms]. 532 p. Ekaterinburg, izd-vo Ural'skogo universiteta. (In Russian)
2. Rylov, Iu. A. (2006). *Aspekty yazykovoï kartiny mira: ital'ianskii i russkii yazyki* [Aspects of the Language Picture of the World: Italian and Russian]. 304 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
3. Privalova, I. V. (2005). *Interkul'tura i verbal'nyi znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii)* [Interculture and the Verbal Sign (linguistic and cognitive foundations of intercultural communication)]. 472 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
4. Tynyanov, Iu. N. (1977). *Literaturnyi fakt* [A Literary Fact]. Tynyanov, Iu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. 574 p. Pp. 255 – 270. Moscow, Nauka. (In Russian)

5. Fomin, A. A. (2004). *Literaturnaya onomastika v Rossii: itogi i perspektivy* [Literary Onomastics in Russia: Outcomes and Prospects]. Voprosy onomastiki. Ekaterinburg, izd-vo Ural'skogo universiteta. No. 1, pp. 108–120. (In Russian)
6. Salikhova, O. K. (2021). *Osobennosti tekstoobrazuiushchei funktsii onimov vo frantsuzskom komikse* [Peculiarities of the Text-Forming Function of Onyms in French Comics]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 2, pp. 465 – 469. (In Russian)
7. Akunin, B. (2012). *Chernyi gorod* [The Black City]. 368 p. Moscow, Zakharov. (In Russian)
8. Gafurov, A. (1987). *Imya i istoriya: ob imenakh arabov, persov, tadzhikov i tyurkov* [Name and History: About Names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks]. Slovar'. 224 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. *Drevnetiurkskii slovar'* (1969) [Ancient Turkic Dictionary]. Boroikov, A., Nedeliaev, V., Nasilov, D., Tenishev, E., Shcherbak, A. 677 p. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian)
10. Alpatov, V. M. (2016). *Zametki o perevodakh s iaponskogo yazyka i na yaponskii yazyk* [Notes on Translations from and into Japanese]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No.1, pp. 93 – 99. (In Russian)
11. Alpatov, V. M. (2008). *O yazykovoi kartine mira yapon'tsev* [On the Japanese Language Picture of the World]. Istoricheskaiia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii. No. 1, pp. 133 – 141. (In Russian)
12. Tsybenova, M. S. (2003). *Upotreblenie suffiksov vezhlivosti v yaponskom yazyke* [The Use of Politeness Suffixes in Japanese]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 1, pp. 238 – 242. (In Russian)
13. Sycheva, E. S. (2015). *Problema perevoda obrashchenii i imennykh suffiksov v sovremennoi massovoi kul'ture Yaponii (na primere anime i manga)* [The Problem of Translating Addresses and Noun Suffixes in Contemporary Japanese Mass Culture (Using Anime and Manga as Examples)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No. 1, pp. 46 – 55. (In Russian)

The article was submitted on 08.04.2022

Поступила в редакцию 08.4.2022

Паневина Ирина Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военная академия войсковой
противовоздушной обороны Вооруженных
Сил Российской Федерации имени Маршала
Советского Союза А. М. Василевского,
214027, Россия, Смоленск,
Котовского, 2.
ira_twin@mail.ru

Panevina Irina Anatolievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Russian Federation Army Air Defense Military
Academy named after the Marshal of the Soviet
Union A. M. Vasilevsky,
2 Kotovsky Str.,
Smolensk, 214027, Russian Federation.
ira_twin@mail.ru